

мантического развития языка славян, расселившихся вплоть до самой южной оконечности полуострова Хемус, но что мы имеем здесь дело с принесенным извне *terminus technicus*, доказывает существование изоглоссы *otok*, *vitok* — «ток» в некоторых диалектах Северо-Восточной Болгарии⁴¹.

Еще одно обозначение гумна сохранилось в топонимии на территории мелингов, а также в прилегающих областях Лаконии и Трифилии. Речь идет об апеллативе *moltъ*, который после плавновзвучной метатезы в славянских языках (примерно в середине IX в.) превратился в *mlat* или *molot* и означал «ток», «гумно»; значение же «молот» родилось впоследствии как вторичное. Со своим первоначальным значением апеллатив *mlat/molot* присутствует во всех славянских языках⁴² — исключение составляет лишь восточная группа южнославянских языков (болгарский и его диалекты в нынешней Южной Югославии), где уцелело только значение «молот». Общеславянский глагол — *moltiti*, откуда позднее — *mlatiti* (восточнослав. *molotit'*) — «бить», «колотить». Так как сохранившиеся греческие топонимы *Εμαλτός*, *Μάλσα*, *Μάλτα* окончательно сложились еще до того, как произошла метатеза, то мы должны предположить, что они возникли до середины IX в. Следовательно, перед нами — старый термин, восходящий к эпохе расселения.

Следовало бы упомянуть в этой связи также диалектальное слово *όσταβα* или *νόσταβα*, которым жители некоторых деревень мессенской Мани обозначают большие плоские камни, уложенные вокруг гумна. Это слово заимствованное, и оно может быть надежно объяснено из славянского *o-staviti* — «расставлять крúгом»⁴³.

То, что выращивание зерновых не было каким-то приобретением славян на их новой родине, но являлось прочной составной частью славянской экономики еще до переселения, доказывает существование унаследованных обозначений типичных сорняков, растущих на издавна возделываемых землях. Эти обозначения продолжают жить как заимствованные слова в новогреческом диалекте мессенской Мани. Здесь следует назвать часто встречающийся на пшеничных полях посевной куколь (*Agrostemma githago*), слав. *kokolъ*, откуда заимствование *κόγκολι*⁴⁴; костер (*Bromus*), серб.-хорв. *klasača*, болг. *klasatica* (*Bromus sterilis*) и *klasačka* (*Bromus mollis*), откуда заимствованное обозначение этого сорняка *χλιάσιντζος*, еще и поныне употребляемое в диалекте деревни *Λιασίνοβα* (ныне *Προσήλιον*) в мессенской Мани⁴⁵. Одну из сорных трав, растущих на пшеничных полях, в деревне *Λεφτίνη* той же области называют *ντεντελίνα* (в деревне *Λιασίνοβα* — *ντεντελίνα*), что, несомненно, восходит к общеславянскому термину *detelina* — «клевер» (*Trifolium*)⁴⁶.

К организации сельскохозяйственных работ относятся и другие два термина, встречающиеся лишь в кунчих грамотах XVII—XIX вв. Так, в двух грамотах 1742 и 1784 гг. поле, предназначенное для продажи, названо *κολενίτζα* — слово, которое можно сопоставить со слав. *kolěno* («колено») и понять как особое наименование для участка земли, имеющего форму L. Для выяснения семантики упомянем здесь и греческий синоним, принадлежащий местному диалекту: — «поле в форме лука»⁴⁷.

В двух кунчих грамотах XVII и одной XIX в. встречается, кроме того, слово *κασίδι*, служащее обозначением земельного владения⁴⁸. В основе этого термина, обнаруживающего греческий деминутивный суффикс *-ίδι*, лежит, по нашему мнению, славянское слово *pas* < *pojasъ* (ср.: ст.

⁴¹ Вакарелски Х. Этнография на България. София, 1974. С. 137, карта VI.

⁴² *Malingoudis Ph. Studien.* . . S. 70—71.

⁴³ *Ibid.* S. 172.

⁴⁴ *Heldreich Th.* Τα δημόδη ονόματα των φυτών προσδιοριζόμενα επιστημονικώς. 'Αθήνα, 1980. Σ. 16.

⁴⁵ *Malingoudis Ph. Studien.* . . S. 171.

⁴⁶ *Ibid.* S. 170.

⁴⁷ *Ibid.* S. 172.

⁴⁸ *Ibid.* S. 172.